

И.Д. Кошцев, Н.В. Кутдинова
К ПРАГМАТИКЕ АРГУМЕНТАТИВНОЙ РЕЧИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Т. МАННА
«БУДДЕНБРОКИ»)

В статье, исходя из такой важной функции языка, какой является его аргументативная функция, выделяемой Карлом Поппером, наряду с остальными тремя функциями (функциями выражения, сигнальной и дескриптивной), которые он называет вслед за Карлом Бюлером, а также опираясь на когнитивную модель аргументации, разработанную проф. В.Н. Брюшинкиным, делается попытка на материале романа Т. Манна «Будденброки» показать, что аргументация в художественном тексте находится «на службе» у эстетической функции языка, выступая одним из важных средств создания художественного образа персонажей.

Through the example of T. Mann's novel «Buddenbrooks» the article attempts to demonstrate that in literary text argumentation performs aesthetic function of the language thus serving as one of the important means of creating literary image of a character. The attempt is made based on such an important function of the language as argumentative function marked out by Karl Popper, along with the other three (expressive, signal and descriptive) functions, as well as on the cognitive model of argumentation developed by V. Bryushinkin.

Ключевые слова: прагматика, когнитивная модель, аргументация, диалог, эстетическая функция, художественный образ, персонаж, событийный уровень повествования, метаязык, адресат, воздействие, текстуальность.

Keywords: *pragmatics, cognitive model, argumentation, dialog, aesthetic function, literary image, character, eventive level of narration, metalevel, recipient, influence, textuality.*

Когнитивный поворот, наблюдаемый во многих науках, в том числе и в лингвистике, вызван к жизни возросшим интересом исследователей к реальным процессам мышления и формам жизненной деятельности человека, неотъемлемой составной частью которых является оперирование языковыми знаками с целью оказания воздействия на партнеров по коммуникации. И в этих процессах не последнюю роль играет аргументативная, или убеждающая речь.

При этом основополагающим следует считать функцию языка, которую Карл Поппер, дополняя теорию Карла Бюлера о трёх основных функциях языка, а именно функции выражения, сигнальной (коммуникативной) функции и функции дескриптивной, называет *аргументативной*. В частности, К. Поппер говорит следующее:

«Когда я говорю, то я всегда тем самым нечто выражаю; а если Вы мне внимаете, то Вы едва ли сможете не реагировать. Следовательно, две эти низшие функции *всегда* наличествуют. Дескриптивная функция может *отсутствовать*; я могу говорить с Вами, не описывая какого-либо факта... Однако описание, даже описание предполагаемых вещей в виде теорий или гипотез, является, вне всякого сомнения, наиважнейшей функцией человеческого языка; она самым недвусмысленным образом отличает язык человека от языка различных животных (...). Эта функция естественно является неотъемлемой функцией для науки. Но последняя и высшая функция, о которой я хотел бы в этом перечне упомянуть, - это *аргументативная функция языка* в том виде, в каком она выступает в дисци-

плинированной критической дискуссии как своей высшей форме» [1]. [Перевод здесь и далее наш-Копцев И.Д.; выделение произведено автором - К. Поппер]

К сказанному К. Поппером выше следует добавить, что аргументативная функция языка важна и в любой другой сфере общественной жизни и деятельности. А в том, что касается художественной литературы, аргументация как интеллектуально-речевая деятельность субъекта тесно смыкается с ещё одной важной функцией языка, о которой К. Поппер не упоминает, а именно - *эстетической функцией*. Более того, можно сказать, что в рамках художественной литературы аргументативная функция языка *подчинена функции эстетической, так как она (аргументация) служит здесь средством создания художественного образа того или иного персонажа*. Дело в том, что то, как, чем, в какой обстановке, с какими мотивами и целями производит аргументацию тот или иной персонаж, создается его личностная характеристика, его индивидуальный речевой и психологический портрет.

Более того, как показывают наблюдения над текстом романа Томаса Манна «Будденброки», аргументативная речь, выступающая, как правило, в форме диалога, является не только средством создания художественного образа персонажей, но и *средством, с помощью которого автор наращивает напряженность повествования, постепенно усиливая его композиционную, коммуникативную, логическую, иллюстративную, когнитивную, экспрессивно - прагматическую выразительность и драматизм*. Иными словами, аргументация в художественном тексте выполняет конституирующую и развивающую текст функцию, т.е. она выступает кроме всего прочего и как *фактор текстuality*.

В качестве теоретической базы для нашего анализа используется *когнитивная модель аргументации*, разработанная проф. В.Н. Брюшинкиным, которую он определяет как "модель, основанную на признании решающего влияния на успех/неуспех аргументации внутреннего представления адресата субъектом убеждения и учете ограниченности логических и познавательных возможностей субъекта" [1].

Согласно В.Н. Брюшинкину, аргументация понимается «как умственные действие субъекта убеждения, производимые на основе созданного им (или уже имеющегося) представления об адресате и направленные на выработку набора аргументов, предъявление которых адресату призвано изменить систему убеждений последнего..., а *осуществление аргументации есть преобразование умственных действий в речевые действия*» [2]. [Выделение наше – Копцев И.Д.]

Как справедливо отмечает И.Н. Брюшинкин, каждое лицо характеризуется системой убеждений, под которой понимается множество убеждений, упорядоченное формальными и содержательными отношениями; формальные отношения представлены логическими отношениями между высказываниями, выражающими убеждения, а содержательные – отношения между представлениями, лежащими в основе убеждений [3].

Когнитивный подход к аргументации обладает ещё и тем преимуществом, что он учитывает в процессе аргументации *фактор адресата*. Фактор адресата обуславливает целенаправленный набор аргументов, стратегию аргументации и языковую форму её выражения.

Следует заметить, что в случае с художественной речью следует говорить, как нам представляется, не об аргументации как таковой, с которой обычно связывается, прежде всего, логическая составляющая комму-

никативного процесса, а об *убеждающем общении*. Дело в том, что аргументация как форма речи представляет собой с точки зрения лингвистики текста (да и теории речевых актов вообще) *синсемантическую, т.е. смысло – и тексторазвивающую функцию*. Другими словами, она предполагает наличие *автосемантических, или смысло – и текст – образующих (конституирующих) форм речи*, таких, как полагание, т.е. выдвигание того или иного положения, тезиса, постулата или формулирование гипотезы, мнения, утверждений всякого рода и др. По Карлу Попперу, это *дескриптивные* формы речи. Они способны самостоятельно начинать какой-либо новый фрагмент коммуникации без опоры на другие формы речи или другие иллокутивные акты. Иными словами, убеждающее общение, в отличие от чисто аргументативного, предполагает наличие автосемантических (дескриптивных) форм речи, с помощью которых формулируется то, что затем становится предметом речевого акта убеждения, т.е. аргументации. Взаимодействие обеих этих форм речи образует тесное коммуникативное единство, без которого не мыслим текст как таковой, в том числе и художественный.

Другой важной особенностью художественной речи являются то, что в ней в качестве типичных выступают коммуникативные ситуации, в которых наряду с адресантом и «ты» - адресатом, ведущих диалог и преследующих те или иные прагматические цели, выступает в качестве предмета (или объекта) речи ещё одно, *третье* лицо, т.е. «он»- адресат. Именно этот адресат часто выступает в художественной речи лицом, к поведению и образу которого оба участника диалога могут выражать своё отношение, как это имеет место и в нашем примере (он будет дан ниже). В этом случае аргументация совершается в двух направлениях и делится на *аргументацию – убеждение* (убеждающую

речь) между адресантом и адресатом и *аргументацию* – *оценку*, предметом которой выступает «он» - адресат, т.е. обе коммуникативно - аргументативные формы речи разводятся по своим коммуникативным установкам.

В этой связи следует заметить, что предложенная В.Н. Брюшинкиным 3-х частная когнитивная модель аргументации, состоящая из модели субъекта убеждения, модели адресатеа убеждения и модели порождения набора аргументов, должна быть расширена. Она должна состоять из двух моделей адресанта и «ты» - адресата, так как участники убеждающего диалога попеременно меняются ролями, осуществляя, тем самым, диагностику когнитивного состояния друг друга. Далее, из двух образов (моделей) «он» - адресата, так как адресант и «ты» - адресат по-разному оценивают его и его поведение, а также соответствующих им моделей порождения наборов аргументов.

Преимущество когнитивной модели состоит также и в том, что в ней *учитывается не только фактор адресата*, но, как указывает В. Н. Брюшинкин, и *2-х уровневая организация убеждающего общения*. Благодаря введению понятия метасубъекта, в роли которого выступает сам автор художественного произведения, описывающий процессе убеждающего общения, поставляя комментирующие речевые акты и паралингвистические средства аргументации, способствующие обогащению сюжетной линии повествования и наращиванию его экспрессивности.

Роман Т.Манна «Будденброки» представляет собой богатый материал для исследователя. Т.Манн – мастер создания речевого портрета своих персонажей, и, в частности, присущие им особенности аргументации занимают в нем не последнее место.

Рассмотрим в этой связи главу десятую романа, в которой консул Томас Будденброк пытается убедить

свою сестру Антонию в том, что она слишком трагично воспринимает попытку её мужа, господина Перманедера, изменить ей с горничной. Антония сама была невольной свидетельницей этого. Во время «разборки» с мужем она услышала в свой адрес такое оскорбительное выражение, что принимает решение тотчас покинуть мужа и Мюнхен, собрать вещи, взять с собою дочь и возвратиться в Любек, в свой родительский дом, а с мужем развестись. Томас, брат её, опасаясь скандала, хочет убедить Антонию, ввиду в общем – то незначительности, по его мнению, проступка мужа, не делать этого и возвратиться к мужу.

С точки зрения композиционной диалог между братом и сестрой строится по классическому принципу триединства: «начало (зачин) – кульминация – развязка». Основная пресуппозиция, обеспечивающая контактную (фатическую) функцию, поддерживающую диалог и служащая одной из важных опор в процессе аргументации – близкое родство. Это находит отражение в их обращении друг к другу (в том числе и шутливые): «Gnädige Frau» (милостивая государыня), «mein guter Junge» (мой хороший мальчик), «meine gute Tony» (моя добрая Тони), «mein Kind» (дитя моё) и др., которыми «приправляются» обычно нелицеприятные высказывания в адрес партнёра.

Как известно, большое значение для успешности или не успешности убеждающей речи имеют: целевые установки, с которыми участники общения вступают в диалог, диагностики физического, психологического, эмоционального и когнитивного состояния друг друга. Также обоюдное знание сильных и слабых сторон, которые могут быть использованы в качестве опор аргументации, их представления о жизненных, морально – этических и других ценностях, а также убеждения участников общения, гендерный и социальный факторы и т.д.

В нашем случае диалог между братом и сестрой и соответственно их аргументация совершается в двух направлениях в виду того, что речь идёт по существу о двух поступках, а именно:

- 1) попытке мужа Антонии Перманедера изменить своей жене с горничной Бабеттой, свидетельницей которой была лично его жена, а также последовавшее затем в результате «разборки» с женой оскорбление в её адрес со стороны мужа, после которого их совместная жизнь, по мнению Антонии (Тони), стала невозможна;
- 2) неожиданное для семьи Будденброков и, в частности, для брата Антонии Томаса возвращение Антонии после размолвки с мужем в родительский дом в Любек с намерением никогда больше не возвращаться в Мюнхен к мужу и вообще развестись с ним.

В соответствии с этим аргументация делится на:

- 1) *аргументацию – оценку* поведения мужа Антонии в её двух вариантах (в двух моделях), так как эти оценки у брата и сестры различны; и 2) *аргументацию – убеждение* (с элементами оценки) поступка сестры (со стороны брата) и 3) *аргументацию – защиту (оправдание)* своего поступка (со стороны сестры).

При этом первый поступок, вернее проступок служит поводом для осуществления второго. Логически оба поступка соотносятся как причина и следствие. Причём если для одной стороны, Антонии, связь между причиной и следствием прямая и необходимая, т.е. очевидная, то для другой - Томаса, она не столь очевидна и даже слишком слаба, чтобы можно было сделать вывод о необходимости следствия, так как причина слишком незначительна (речь идёт лишь о попытке измены). Поступок Антонии обусловлен, как кажется

на первый взгляд, её эмоциональной реакцией на неприглядное поведение мужа, позиция Томаса – сделать всё возможное, чтобы избежать огласки о возвращении сестры и возможных неприятных последствий для имиджа семьи Будденброков в городе. Томас, боясь скандала в городе, где семья Будденброков пользуется почётом и уважением, хочет убедить сестру вернуться к мужу. Однако он наталкивается на непреклонность Антонию, которая в глубине души уже приняла для себя окончательное решение.

Жизненные убеждения Антонию:

1. «Но, Том, в жизни существует определённая граница – а я знаю жизнь не хуже, чем ты – за которой боязнь скандала начинает называться трусостью! Да, трусостью!»
2. «я... всего лишь беспомощная, глупая женщина... Да, глупая и я понимаю, что Перманедер никогда не любил меня, ибо я стара и некрасива, а Бабетта [горничная], конечно, красивее меня...»
3. Но это не освобождает его [Перманедера] от того уважения, которое он должен был оказать моему происхождению и моему воспитанию, и моим чувствам!
4. Ты, Том, не видел, до какой степени он забыл об этом уважении, а кто этого не видел, тот не знает совершенно ничего, ибо нельзя передать словами, как он был противен в своём состоянии...»
5. И ты не слышал того выражения, которое он бросил мне, твоей сестре, вслед...это слово...это слово...! Короче, Томас, чтобы ты знал, именно оно заставило, *вынудило* меня упаковать в течение ночи вещи, разбудить пораньше Эрику и уехать. Ибо оставаться рядом с мужчиной, от которого исходят подобные слова, я не могла и к такому

мужчине, как говорится, никогда не возвращусь... иначе я пропаду, перестану себя уважать и не найду никакой опоры в жизни!»

Этот вид аргументации Антонии можно было бы охарактеризовать в целом как *«аргументацию от жизненных убеждений, от попрания нравственных основ, святая святых супружеской жизни, и оскорблённого чувства собственного достоинства жены как личности»*.

А конкретно здесь представлены следующие виды аргументации:

- 1) аргументация от жизненных установок и ценностей;
- 2) аргументация от объективного положения дел;
- 3) и 5) аргументация от оскорблённого чувства собственного достоинства;
- 4) аргументация от личного свидетельства.

Этот набор аргументов, по мнению Антонии, достаточен для *принятия решения*, следуя которому она покинула мужа и Мюнхен.

В качестве *опоры* для своей аргументации Антония использует близкое родство:

1. «Том, и ты позволяешь себе приказывать мне не устраивать скандала, когда меня покрывают позором, плюют мне прямо в лицо?! *Разве это достойно брата?...*»

2. «И ты не слышал выражения, которое он бросил мне вслед, *мне – твоей сестре...!*» [как потом выясняется, речь идёт об оскорбительном выражении мужа в адрес жены: «Ступай прочь, грязная свинья!»]

[Выделение моё – Копцев И.Д.]

Антония использует также гендерный фактор в своей аргументации:

«И я удивляюсь, что вынуждена говорить тебе об этом, я – *всего лишь беспомощная, глупая женщина...* Да, глупая, и я понимаю, что Перманедер никогда не любил меня, ибо я стара и некрасива, а Бабетта [горничная], конечно, красивее меня...» [Выделение моё – Копцев И.Д.]

Жизненные убеждения Томаса:

1. К случившемуся с сестрой следует отнестись с определённой долей юмора; виной этому её расстроенный желудок:

«...Но в том- то и дело, Антония: ты не можешь отнестись к этому с определённой долей юмора, и в этом виноват, конечно, твой расстроенный желудок...».

2. У мужа сестры есть смягчающие вину обстоятельства: «...Правда, если посмотреть трезво, то ему [Перманедеру] нельзя отказать в смягчающих вину обстоятельствах...».

Аргументы Томаса:

«Друг пригласил его отпраздновать свои именины, муж возвращается в хорошем, даже слишком хорошем настроении и допускает некоторую вольность, небольшую неприличную выходку неверности...».

3. Тони воспринимает случившееся слишком трагично и необходимо её в этом переубедить:

«Тони, но ты просто ребёнок!...Каждое твоё слово – сплошной детский лепет! ...Неужели ты не видишь, что ты ведёшь себя так, как – будто ты пережила нечто серьёзное и горестное, как – будто твой муж жестоко обманул тебя и выставил на позор перед всем светом!? Но ты пойми только, что ведь ничего не произошло!

Что об этом глупом происшествии на вашей небесной лестнице на Кауфингерштрассе не знает ни одна душа! Что ты не нанесёшь своему и нашему достоинству никакого ущерба, если спокойно, или, в крайнем случае, с несколько насмешливой миной вернёшься к мужу...И. напротив, ты нанесёшь ущерб нашему имиджу, если ты этого не сделаешь, ...вот тогда ты причинишь скандал...»

Эту аргументацию Томаса можно было бы назвать *«аргументацией от рационального начала и свойственных человеку слабостей* – а их, как известно, следует прощать – а также *от общественного мнения*. Он апеллирует к рациональности адресата убеждения. Однако Антония остаётся при своей точке зрения.

В аргументации Антонии наблюдается противоречие. С одной стороны, она отдаёт себе отчёт в том, что она всего лишь слабая, некрасивая женщина, т.е. в определённой степени её мужа и его поступок можно понять, а с другой – апеллирует к своему «патрицианскому» происхождению и воспитанию. Противоречие это возрастает, когда в процессе диалога - спора обнаруживается, что истинной причиной возвращения Антонии в родительский дом является её тоска по «аристократическим» условиям жизни, по тому почёту и уважению, которым она наслаждалась в родительском доме.

Обнаружив лукавство в словах Антонии, Томас производит корректировку диагностики когнитивного состояния своей сестры в следующих словах:

«Тони», - сказал он – «в твоих словах для меня нет ничего нового. Я это знал и раньше, но в твоих последних словах ты выдала сама себя. Дело вовсе не в муже. Дело в городе. И дело не в этой глупости на небесной

лестнице. А дело вообще в целом. *Ты не смогла акклиматизироваться. Будь честной»* (С.342). [Выделение моё – Кошцев И.Д.]

С этими словами диалог переходит в свою кульминационную фазу. Инициатива в диалоге переходит к Тони. Её речь автор как метасубъект описывает в следующих словах с паралингвистическим содержанием:

«Это был взрыв, крик души, полный искренности и отчаяния...В нём изверглось то, против чего нельзя было ничего возразить, нечто стихийное, с чем невозможно было больше спорить» (С.343).

Вот этот монолог:

«Ты прав, Томас! Скажи эти слова ещё раз! Ха, я только хочу подчеркнуть, что я – не какая – то глупышка и знаю, что нужно брать от жизни. Я не цепенею больше от ужаса, когда узнаю, что в ней не всегда всё чисто...Я тебе не какая –нибудь деревенская невинность, скажу тебе, и случай с Бабеттой сам по себе, вырванный из контекста, не заставил бы меня бежать. Поверь мне! А дело в том, Томас, что он переполнил чашу терпения... Для этого оставалось совсем немного, ибо она была уже собственно давно полна... уже давно полна... давно полна! Одна капля смогла бы переполнить её и тут ещё это! Сознание того, что даже в этом я не могла положиться на Перманедера! И это стало венцом всему! Это вышибло почву из под ног! И я приняла решение сию же минуту бежать из Мюнхена. Оно долго, очень долго зрело во мне, Том. Ибо я там, внизу, не могу жить. Видит Бог и все его святые – не могу! Ты не знаешь, Томас, *как* я была несчастна! И даже тогда, когда ты гостил у нас, я не подавала виду, потому что я женщина тактичная, которая не жалуется другим, и каждый день не распространяется об этом. Я

всегда молчала. Но я страдала, Том, страдала всем, что есть во мне, так сказать, всем моим существом. Говоря образно, как растение, как цветок, высаженный в чужую землю. Быть может, ты сочтёшь мой образ неуместным. Пусть я - дурная баба, но прижиться в чужом краю я не смогла. Уж лучше бы было мне уехать в Турцию!...Вы иногда подшучивали над моей симпатией к аристократии... Да, Том, мы чувствуем себя аристократами, мы чувствуем дистанцию, и мы не должны пытаться жить там, где о нас ничего не знают и не умеют ценить. Ибо мы не будем от этого иметь ничего, кроме унижения. Да, все находили меня смешно высокомерной. Мне этого не говорили, но я чувствовала это постоянно, и от этого я страдала тоже. Ха! В стране, где торт едят ножом, и где принцы говорят на ломаном немецком языке, где признаком влюблённости считается, если мужчина поднимает даме упавший веер - в такой стране, Том, легко показаться высокомерным! Акклиматизироваться? Нет, среди людей без достоинства, морали, чести, благородства, среди невоспитанных, невежливых и развязанных людей; среди людей, которые одновременно и инертны, и легкомысленны, ленивы и поверхностны...- среди таких людей я не могу акклиматизироваться и никогда не смогу, не будь я твоей сестрой!...И вот я отсюда, из этого дома, где знают цену, где люди действуют и ставят перед собой цели, уехала туда, к Перманедеру, который с моим приданным ушёл на покой... Ха, это было типично, это было, действительно, примечательно, но и единственно приятное. Что дальше?

Вот должен был родиться ребёнок. Как я радовалась этому! Он компенсировал бы мне всё! Но что происходит? Он умирает. Он мёртв. Перманедер не был тому виной, нет! Боже упаси! Он сделал всё, что мог, и даже два или три дня не ходил в пивную, слава Богу! Но так бывает, Томас. Это не сделало меня счастливой,

можешь себе представить. Но я выдержала и не жаловалась. Я одна ходила по кругу, не понимая, прослыла высокомерной, но я сказала себе: «Ты связала с ним свою судьбу. Он немного неуклюж и медлителен и не оправдал твоих надежд; но он добр и чист сердцем». И вот тут мне пришлось пережить ещё и это, и я увидела его в то самое омерзительное мгновение. Затем я узнала, что он понимает, а ещё лучше уважает меня, настолько больше, чем других, что посылает мне во след слово, каким никто из твоих грузчиков не обзовёт даже собаку! И тогда я поняла, что ничто больше не удерживает меня, и что было бы позором оставаться. Когда я здесь уже ехала с вокзала вверх по Холстенштрассе, проходивший мимо носильщик Нильсон, сняв шляпу, низко поклонился мне, и я ответила на приветствие, несколько не высокомерно, а так, как приветствовал людей отец... так... рукой. И вот теперь я здесь. И ты, Том, можешь запрячь хоть десяток лошадей, – но затащить меня обратно в Мюнхен тебе не удастся...».

Впечатление, которое эта страстная обличительная речь сестры произвела на брата, описывается автором в следующих словах:

«Совершенно перепуганный, безмолвный, почти потрясённый стоял консул перед ней и молчал. Затем он вздохнул, взмахнул руками и опустил их до самых бёдер. «Да, тут ничего не поделаешь!», - сказал он тихо, бесшумно повернулся на каблуках и пошёл к двери.

Она посмотрела ему вслед с тем же самым выражением лица, с каким встретила его: страдающе и с укором».

Таким образом, Томас терпит полное фиаско в своём стремлении переубедить сестру, добиться тем

самым изменением ею своего решения и заставить вернуться обратно к своему мужу в Мюнхен. Налицо - явная коммуникативная, когнитивная и прагматическая неудача, «провал» аргументации со стороны Томаса, как в том, что касается оценки поведения её мужа, так и в том, что касается поступка сестры. Это было обусловлено с самого начала ошибочным диагнозом психологического и когнитивного состояния сестры, который он составил под влиянием мнения матери. Им казалось, что причиной подавленного состояния Антонины являются её проблемы с желудком. Но истинная причина оказалась глубже. Она - в личных жизненных неурядицах, в тоске по той уютной, счастливой и уважительной атмосфере в родительском доме и в родном городе, где она выросла, в неприятии в связи с выходом замуж изменившихся условий её жизни и нового чуждого ей окружения, его атмосферы. Об этой истинной причине Томас догадывается уже во время диалога с сестрой. Выслушав её страстный монолог, он понял, что переубедить сестру невозможно и отказывается от своей затеи. Так женская логика чувств одерживает верх над мужской логикой рассудка. Наступает развязка.

Таким образом, нарастание остросюжетности и драматизма повествования в этой 10-й главе романа полностью строится на аргументативной речи его главных персонажей - Антонины и брата Томаса. Ощущение внутреннего конфликта с окружением у Тони значительно возрастает после инцидента с её вторым мужем, Перманедером, которого она застала на лестнице с горничной, переполнившего её чашу терпения. Выдвинув этот инцидент сначала в качестве основного аргумента в пользу оправдания своего неожиданного приезда в родной Любек, она полагала, что этого будет достаточно, чтобы оправдать свой поступок. Но под давлением аргументов брата она была вынуждена в

резко эмоциональной форме раскрыть истинную причину, побудившую её принять решение порвать с мужем и возвратиться в родительский дом.

Аргументацию Антонии в целом можно было бы охарактеризовать как аргументацию от *«оскорблённого чувства собственного достоинства и поправленных жизненных ценностей и женского счастья»*.

Антония – глубоко противоречивая натура. С одной стороны, она амбициозна, она отстаивает свои претензии на аристократизм и патрицианство, делает акцент на своём происхождении, воспитании, своих благородных чувствах и морально -нравственных и семейных ценностях, а, с другой, она самокритична, способна трезво оценить своё положение, признаётся своему брату, которому только что прочитала проповедь, что она всего лишь глупая, некрасивая, несчастная и беззащитная женщина:

«Подойди ко мне, Том,...Твоей сестре не везёт в жизни. Всё вдруг свалилось на неё...И в эту минуту у неё нет никого, кто бы помог ей...» (С. 345).

Переход к форме третьего лица не случаен. Она выражает взгляд Антонии на себя как бы со стороны, подводит объективный итог её неудавшейся жизни.

Противоречив и образ её брата Томаса. С одной стороны, ему жаль сестру, а, с другой, он пытается оправдать её мужа, говорит о смягчающих его вину обстоятельствах и приводит аргументы, как в пользу первого, так и в пользу второго пункта. Рассуждая трезво и логично, он полагает, что преподносит тем самым урок рациональности сестре, называя её поступок глупостью. Но после отчаянной речи сестры не знает, что сказать, только взмахивает руками в знак того, что ему нечего возразить. Так его шуточный тон

вначале постепенно переходит в беспомощное молчаливое отчаяние. Боясь, что приезд Антонии может вызвать скандал, сам доводит дело до скандала с сестрой и т.д.

Контрастен в целом и характер аргументации сестры и брата. Антония аргументирует, исходя из семейных традиций, своих представлений о высших жизненных, этических и морально – нравственных ценностей. Она использует по существу два набора аргументов, обладающих разной степенью убедительности и иллюкутивной силы. Исход «аргументативного поединка» решает её второй набор аргументов от семейных традиций и патрицианского воспитания. Томас, напротив, прибегает к чувству юмора, трезвому мышлению, рациональности и к «общественному» мнению своего города и окружения, а на второй, кульминационной фазе поединка он и вовсе выбрасывает белый флаг в связи с отсутствием аргументов.

Таким образом, аргументация позволяет выявить у Антонии такие черты характера, как эмоциональность, переходящая порой в экзальтированность, амбициозность, искренность, но и порой лукавство, чувство такта, склонность к преувеличениям, любовь к родному дому и своему краю, неприятие мира коммерции и чистогана. У Томаса – это деловитость, юмор, ирония, преобладание рационального начала, рассудительность, стремление к справедливости и объективности суждения и в то же время осторожность, боязнь огласки и нарушения привычного, установившегося образа жизни ганзейского города Любека и др.

Роман Томаса Манна «Будденброки» был, есть и будет актуален во все времена, он – своеобразная, глубокая и интересная энциклопедия человеческой жизни.

В данной статье проанализирован лишь один из эпизодов этого романа Т. Манна с целью показать, что

аргументативная речь персонажей способствует раскрытию особенностей их характера, их образа мыслей и их картины мира, являясь тем самым важным средством создания индивидуального художественного образа персонажей и фактором текстуальности.

В романе есть целый ряд других эпизодов и жизненных ситуаций, связанных с аргументативной (убеждающей) речью, которые ждут своих исследователей.

Список литературы:

1. Брюшинкин В.Н. Когнитивный подход к аргументации // Модели рассуждений – 3: Когнитивный подход. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта. 2010. С.26.

Об авторах

Копцев Иван Демьянович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта, koptsev42@yandex.ru.

Кутдинова Наталья Владимировна – преподаватель кафедры иностранных языков ФГОУ ВПО Калининградский пограничный институт ФСБ России.

About authors

Dr. Ivan D. Koptsev, Professor, Department of Language Theory and Intercultural Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, koptsev42@yandex.ru.

Natalia V. Kutdinova, teacher, Department of Foreign Languages, Kaliningrad Frontier Institute of Russia FSB.